

УДК 343.13:343.26

П.Н. ПАНЧЕНКО,

доктор юридических наук, профессор

*Нижегородский филиал Государственного университета –
Высшей школы экономики*

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЮРИСДИКЦИИ В ПРОЦЕССЕ ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ И ДОМАШНЕГО АРЕСТА

В статье рассматриваются уголовно-правовые аспекты таких мер пресечения, как заключение под стражу и домашний арест, вносятся предложения по совершенствованию законодательной регламентации этих мер и их практического применения, формулируются выводы относительно отражения данной проблематики в средствах массовой информации, а также в отношении типичных проявлений обвинительного уклона в данной сфере уголовно-правовой юрисдикции, их причин и мер их преодоления.

Мера пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого/обвиняемого в совершении преступления лица есть по существу ни что иное, как *лишение его свободы*. Конечно же, это, прежде всего, процессуальная мера, но и уголовно-правовой аспект выражен в ней довольно отчетливо. И проявляется он не только *во внешней атрибутике* заключения под стражу как меры пресечения, с одной стороны, и лишения свободы как меры наказания – с другой (несмотря на разные цели, формы, периоды применения и многие другие особенности, обе эти меры схожи в главном, а именно в том, что и та, и другая мера связана с изоляцией лица от общества), но еще и в том, что, в соответствии с ч. 1 ст. 108 УПК РФ, мера пресечения в виде заключения под стражу применяется по судебному решению (при невозможности применения иной, более мягкой меры) в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении *таких* преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде *лишения свободы* (на срок свыше двух лет, а при наличии обстоятельств, указанных в п.п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, – и на срок до двух лет).

Как известно, в октябре 2010 г. по поручению Президента РФ Д.А. Медведева Министерством юстиции РФ разработан законопроект, в соответ-

ствии с которым в санкциях 68 статей Особенной части УК РФ снижается к минимуму (к двум месяцам) нижний порог лишения свободы (верхний предел остается при этом прежним), в санкциях 118 статей снижается к минимуму нижний порог исправительных работ (к двум месяцам) и ареста (к одному месяцу), санкции 12 статей альтернативно дополняются исправительными работами, санкции 11 статей альтернативно дополняются штрафом. Прорабатывается вопрос и о возможности введения такого альтернативного наказания, как принудительные работы, то есть известной с советских времен (с 1972 г.) «химии», а именно наказания, сопряженного с направлением осужденных на крупные стройки страны, в добывающую отрасль, в сферы дорожного строительства, лесозаготовок и т.д. [1, с. 4].

Все это должно привести, по расчетам специалистов, к существенному снижению численности лиц, находящихся в следственных изоляторах, – примерно на треть. То есть если в настоящее время в этих учреждениях находится примерно 120 тыс. чел. [2, с. 9], то в течение уже двух-трех (максимум, пяти) лет их число может уменьшиться до 80 тыс. Другими словами, практика применения такой меры пресечения, как заключение под стражу, станет значительно мягче.

Адекватно может снизиться и численность нашего так называемого «тюремного» населения, которое по состоянию на октябрь 2010 г. составляло 833,9 тыс. чел., в том числе 707,1 тыс. – в исправительных колониях, 51,4 тыс. – в колониях-поселениях, 2 тыс. – в тюрьмах, 44,4 тыс. – в 62-х воспитательных колониях для несовершеннолетних.

Вместе с лицами, находящимися в следственных изоляторах, осужденные к лишению свободы составляли в октябре 2010 г., следовательно, 953,9 тыс. чел., то есть примерно один процент нашего «дееспособного» (в том числе в криминологическом смысле) населения, а именно, лиц в возрасте от 14 до 60 лет.

Значительно расширится практика предоставления осужденным краткосрочных отпусков.

Высвобождаемые в результате осуществляемых преобразований помещения исправительных учреждений будут, как предполагается, репрофилированы под экономическую деятельность, которой здесь будут заняты, как можно предположить, и бывшие осужденные [1, с. 4].

Это, конечно, не может не сказаться положительно на нашей экономике, но открытое пространство в результате проводимых преобразований заметно пополнится «беспокойной публикой» примерно еще на триста тысяч – кроме тех примерно 40 тыс. лиц, которых в новых условиях минуют следственные изоляторы. Естественно, данное обстоятельство резко обострит криминальную напряженность в обществе, что неизбежно увеличит и нагрузку на институты необходимой обороны, задержания преступника, потребует мобилизации населения на создание общественных формирований по содействию правопорядку, более широкого использования электронных средств контроля правопорядка и, прежде всего, контроля поведения его главных «возмутителей», а именно лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, а также осуждаемых условно и к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Основными же факторами, которые будут призваны как-то амортизировать насыщение социума криминалитетом, должны стать: завершение этапа выхода страны из финансового кризиса, экономический подъем, переход к сбалансированной социальной политике, гармонизация взаи-

моотношений труда и капитала, преобразование милиции в полицию, другие конструктивные меры данного ряда.

Заметим, что, несмотря на сохраняющиеся еще существенные нарушения принципа законности при применения такой меры пресечения, как заключение под стражу (в том числе, несмотря на продолжающиеся насилия, истязания, пытки, прочие издевательства над подследственными, о чем постоянно пишет наша пресса), в целом практика данной работы становится постепенно все же гуманнее – о чем, кстати, свидетельствуют и материалы той же прессы.

В частности, средства массовой информации (со ссылками на Следственный комитет при Прокуратуре РФ) отмечают, что в 2009 г. из 196 тыс. подследственных под стражу были заключены только 31 811 чел., то есть всего 16% подследственных. В первом полугодии 2010 г. этот показатель снизился до 13% – под стражу были взяты 13 667 чел. Следственными подразделениям МВД РФ в 2009 г. было взято под стражу 110 632 чел., а в первом полугодии 2010 г. – 44 923 чел.

В 2009 г. суды рассмотрели 208 тыс. ходатайств следователей Следственного комитета при Прокуратуре РФ о заключении под стражу. Примерно в каждом десятом случае судьи не удовлетворили такие ходатайства, а по делам о преступлениях женщин – они не удовлетворяли их примерно в каждом седьмом-восьмом случае (13%), по делам о преступлениях несовершеннолетних – примерно в каждом пятом случае (22%).

Нельзя не отметить, что не во всех случаях суды поступали достаточно осмотрительно, отказывая следователям в их ходатайствах о заключении подозреваемых, обвиняемых под стражу. Так, в 2008 и 2009 гг. примерно 30 тыс. совершивших преступления лиц, но не заключенных под стражу, вновь совершили преступления [3, с. 7].

Уголовно-правовой аспект заключения под стражу проявляется еще и в том, что, согласно ч. 3 ст. 72 УК РФ, данная мера пресечения засчитывается в срок назначенного по приговору суда наказания: при назначении лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части или ареста – из расчета один день содержания под стражей за один день лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части или ареста; при назначении ограничения свободы соответст-

венно – один день за два дня; при назначении исправительных работ или ограничения по военной службе – один день за три дня; при назначении обязательных работ – один день содержания под стражей за восемь часов обязательных работ.

Поэтому, заключая подозреваемого, обвиняемого под стражу, дознаватель, следователь, прокурор или суд, осуществляет, наряду с сугубо процессуальной юрисдикцией, еще и юрисдикцию уголовно-правовую – помимо того, что такая юрисдикция осуществляется в общем плане, то есть в плане уголовно-правового реагирования на преступление. Оказываясь в следственном изоляторе, подозреваемый, который затем становится обвиняемым (а далее – осужденным, но пока еще – до вступления приговора в силу – не подвергающимся назначенному судом наказанию), уже начинает понемногу, грубо говоря, «отматывать» тот срок лишения свободы, который «намотал» себе, совершив соответствующее преступление с реальной перспективой лишения свободы. Вдвое или даже втрое быстрее «бежит» срок назначенного судом наказания, если оно – не лишение свободы, а какое-либо более мягкое наказание.

Полагаем, что ч. 5 ст. 72 УК РФ следует дополнить указанием на то, что суд при смягчении осужденному, содержащемуся под стражей до судебного разбирательства, штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначенных в качестве основного наказания, или при полном освобождении от назначенного наказания учитывает не только срок, но и *сам факт* нахождения осужденного под стражей.

В данной связи было бы, на наш взгляд, целесообразным еще и такое дополнение к указанной норме (ч. 5 ст. 72 УК РФ): при назначении осужденному, содержащемуся под стражей до судебного разбирательства, в качестве дополнительного вида наказания лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград суд, учитывая срок и сам факт нахождения осужденного под стражей, смягчает назначенное ему наказание или полностью освобождает его от отбывания назначенного наказания.

Исходя из смысла ч. 5 ст. 72 УК РФ, суд вначале должен, как представляется, *назначить* осуж-

денному наказание – в соответствии с общими и специальными правилами назначения наказания (ст. ст. 60–70 УК РФ), и лишь затем *смягчить его* до нужного предела – с учетом срока и самого факта нахождения осужденного под стражей.

Основное назначение уголовного судопроизводства, как это прямо вытекает из п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, – это защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, причем защита точная, прицельная, адекватная, соразмерная, справедливая, ориентированная, конечно же, на уголовное преследование и наказание исключительно лиц, *виновных* в совершении преступлений и ни в какой мере не каких бы то ни было других лиц, оказавшихся по воле случая (в результате допущенной ошибки или/и содеянного нарушения) в поле зрения органов, осуществляющих уголовно-правовую юрисдикцию.

Если так уж случилось, что в силу *допущенных* сотрудниками этих органов *ошибки* или/и *содеянного нарушения* объектом осуществляемого ими уголовного преследования становится *невиновное лицо*, то назначением уголовного судопроизводства является вывод этого (невиновного) лица из-под сферы уголовного преследования, то есть отказ от такого преследования, а если невиновному лицу было назначено наказания или оно было уже подвергнуто ему, то и аннулирование необоснованно назначенного или уже исполняемого наказания, реабилитация лица, необоснованно подвергшегося уголовному преследованию или уже и наказанию (п. 2 ч. 1, ч. 2 ст. УПК РФ).

Внимательное прочтение положений ст. 6 УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства показывает, что в основе их – принцип справедливости уголовного судопроизводства, о котором по какой-то странной случайности ничего не говорится в гл. 2 УПК РФ, озаглавленной «Принципы уголовного судопроизводства». Ведь в уголовном правосудии, как и вообще в мире, нет ничего более справедливого, чем защита человека от самой большой «ударяющей» по нему несправедливости – от преступлений. И, в то же время, нет ничего более справедливого, чем защита человека от необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Важным моментом, утверждающим принцип справедливости уголовного судопроизводства,

является то, что уголовно-процессуальный закон ставит в *равное* положение, с одной стороны, требование уголовного преследования и назначения виновным справедливого наказания, а с другой – требование отказа от уголовного преследования невиновных, аннулирования необоснованно назначенного им или уже исполняемого наказания, реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию или уже и наказанию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

Полагаем, что ст. 6 УПК РФ надо было бы так и озаглавить: «Справедливость уголовного судопроизводства». Сама данная статья, на наш взгляд, также нуждается в корректировке, в том числе следующего характера: 1) необходимо в ней подробнее указать на основное назначение уголовного судопроизводства – осуществляемого, во-первых, для защиты *не только* прав и законных интересов лиц и организаций (от преступлений), но и *интересов общества и государства*, а во-вторых, для защиты этих прав и интересов *посредством уголовного преследования виновных и назначения им справедливого наказания*; 2) надлежит указать в ней *не на освобождение* невиновных от наказания, *а на аннулирование* необоснованно назначенного им наказания; 3) следует заменить в ней (в ее п. 2 ч. 1) словосочетание «незаконное и необоснованное обвинение» словосочетанием «необоснованное обвинение»; 4) целесообразно заменить в ней (в ее п. 1 ч. 1) термин «лица» термином «граждане»; 5) важно в ней также несколько перефразировать ч. 2, а именно так, чтобы главный смысл содержащегося в данной норме положения был подчинен именно *основному* назначению уголовного судопроизводства, то есть защите прав и законных интересов граждан и организаций, интересов общества и государства от преступлений *посредством уголовного преследования виновных в их совершении лиц и справедливого их наказания*.

Ведь в соответствии с установившейся правовой традицией закон должен в своих нормах указывать, во-первых, *на весь спектр* защищаемых им прав и интересов (иначе получается так, что уголовно-процессуальный закон интересы общества и государства вообще *не защищает*), во-вторых, *на освобождение* от наказания лишь в том случае, когда оно было назначено *обоснованно*, но необходимость в его исполнении в силу предусмотренных законом оснований *отпадает*

(если же наказание было назначено *необоснованно*, то невиновный *не освобождается* от него, а оно в отношении его *аннулируется*; любое освобождение в праве от любых ограничений – это акт гуманизма, а в данном случае речь идет об обычном исправлении допущенной ошибки или содеянного нарушения¹), в-третьих, *на саму суть* явления, а *не на все многообразие его форм* (в данном случае указание *не обоснованность* обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод является вполне достаточным, так как оно одновременно означает и *незаконность* действий такого рода), в-четвертых, именно *на граждан*, а не *на лиц* (поскольку речь в соответствующей норме идет не о подозреваемых, обвиняемых или осужденных, а о тех, чьи интересы закон *защищает*) и, в-пятых, *на основной*, а не *на сопутствующий* (вариантный, альтернативный, дополнительный) их смысл (ведь отказ от уголовного преследования невиновных, аннулирование необоснованно назначенного им наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию или уже и наказанию, на чем делается главный акцент в ч. 2 анализируемой статьи – это как раз и есть *сопутствующая* линия назначения уголовного судопроизводства, рассчитанная на необходимость устранения негативных последствий необоснованного уголовного преследования и необоснованного наказания (назначенного или уже и исполняемого), происшедших в результате допущенной ошибки или/и содеянного нарушения).

¹ Так как наказание *незаконное*, то в юридическом смысле его как бы нет, а следовательно, *невиновного*, строго говоря, не от чего освобождать. Надо просто устранить допущенную ошибку или содеянное нарушение путем *аннулирования* необоснованно назначенного наказания, реабилитировать необоснованно осужденное лицо, и, естественно, должным образом наказать виновных в случившемся должностных лиц. В данной связи представляется целесообразным соответствующим образом перефразировать название и содержание ст. 94 УПК РФ (основания освобождения подозреваемого). Новая редакция названия и части первой данной статьи нам видится такой:

«Статья 94. Основания аннулирования задержания подозреваемого

1. Задержание подозреваемого аннулируется по постановлению дознавателя, следователя или прокурора, если: ...» (далее – по тексту).

Соответственно часть пятую данной статьи надлежит изложить в такой редакции: «При аннулировании задержания подозреваемого ему выдается справка...» (далее – по тексту).

С учетом изложенного новая редакция ст. 6 УПК РФ видится нам такой:

«Статья 6. Справедливость уголовного судопроизводства

1. Уголовное преследование служит идеалам справедливости и основывается на них, в связи с чем основным назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов граждан и организаций, интересов общества и государства от преступлений посредством справедливого уголовного преследования виновных в их совершении лиц и справедливого их наказания.

2. В случае если в результате допущенной ошибки или содеянного нарушения гражданином необоснованно был подвергнут уголовному преследованию или уже и наказанию, назначением уголовного судопроизводства является также защита его от необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод.

3. Отказ от уголовного преследования невиновных, аннулирование необоснованно назначенного в отношении их наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, отвечает принципу справедливости уголовного судопроизводства в такой же мере, что и защита прав и законных интересов граждан и организаций, интересов общества и государства от преступлений посредством справедливого уголовного преследования виновных в их совершении лиц и справедливого их наказания».

Исходя из содержащихся в ст. 6 УПК РФ общих положений о назначении уголовного судопроизводства, основным назначением мер пресечения (как и всего уголовного судопроизводства в целом) является защита посредством этих мер прав и законных интересов граждан и организаций (в том числе, разумеется, и интересов общества и государства) от преступлений. И эта защита относится не только к тому периоду времени, когда лицо будет наказано судом и соответствующим органом уголовно-исполнительной системы, но и к настоящему времени, так как эта защита осуществляется уже в тот период времени, в течение которого к подозреваемому, обвиняемому применяется избранная мера пресечения. Сказанное позволяет говорить о реализации уже в *данный период* установленных уголовным законом задач: охраны прав и законных интересов граждан и организаций,

интересов общества и государства от преступлений; обеспечения охраняемых уголовным законом ценностей; предупреждения посягающих на них преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ). И надо сказать, что в этом тоже проявляется уголовно-правовой аспект применения мер пресечения.

Основное назначение мер пресечения определяет и основания для их избрания, предусмотренные ст. 97 УПК РФ. Близки к этим основаниям и основания задержания подозреваемого, указанные в ст. 91 УПК РФ. И если говорить о такой мере пресечения, как заключение под стражу, то надо заметить, что граждане, общество и государство проявляют повышенное внимание к соблюдению принципа законности (ст. 7 УПК РФ) при ее применении – прежде всего, с учетом ее строгости и в основном негласного (закрытого) характера применения. Тем более что нарушений принципа законности при применении данной меры пресечения все еще немало, в том числе таких, которые касаются самих оснований ее применения.

К такого рода нарушениям дознавателей, следователей, прокуроров и суды подталкивает порой желание достаточно полно обеспечить доказательственную базу расследования. Но приоритетным мотивом здесь должно быть стремление предотвратить возможность совершения нового преступления. И, конечно же, стремление сделать все возможное и, может быть, невозможное для того, чтобы лицо не было заключено под стражу. Традиционной ошибкой нашей уголовно-правовой юрисдикции является приложение максимума усилий к тому, чтобы лицо было заключено под стражу, а главным должно быть все же ее стремление к тому, чтобы лицо оставалось на свободе. Преодоление такого обвинительного уклона должно стать делом чести нашей уголовно-правовой юрисдикции.

Указание ст. 99 УПК РФ на то, что при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления и определения вида данной меры (при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ) должны учитываться также *тяжесть* преступления, сведения о личности подозреваемого, обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий, другие обстоятельства, дает основание для вывода о том, что применение меры пресече-

ния (особенно довольно жесткой – типа, скажем, рассматриваемого здесь заключения под стражу) не требуется, если речь не идет, в частности, о *тяжком или особо тяжком* преступлении, причем таком, которое отличается *агрессией, насилием, дерзостью, цинизмом или иными подобными обстоятельствами тягчающего характера*, а также если лицо не является судимым, нормально трудится, живет в семье, имеет детей, положительно характеризуется на работе и по месту жительства, ведет безупречный образ жизни. Представляется, что такого рода конкретизирующие указания были бы в законе уместны, причем как в ст. 99 (обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения), так и в ст. 108 (заключение под стражу) УПК РФ.

Полагаем, что в ст. 108 УПК РФ целесообразно конкретнее описать *исключительные* основания применения заключения под стражу (в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, за которые может быть назначено наказание на срок *до двух лет лишения свободы*), а именно сделать это, например, так (новации выделены курсивом):

1) подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации. *При этом само по себе отсутствие регистрации (как постоянной, так и временной) по месту жительства не может служить основанием для заключения лица под стражу;*

2) личность его не установлена, *несмотря на проведенный комплекс необходимых в таких случаях оперативно-розыскных и других мер;*

3) им нарушена ранее избранная мера пресечения – *избранная в отношении преступления, в совершении которого он подозревается или обвиняется;*

4) он скрылся от органов предварительного расследования или суда, *совершив побег из-под стражи или выехав в другой регион либо за границу.*

Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» указывает, в частности, на то, что для решения вопроса о возможности применения меры пресечения в виде заключения под стражу

подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления суду надлежит в каждом конкретном случае проверять *обоснованность* подозрения о причастности лица к совершенному преступлению, *в том числе данные*, указанные в ст. 91 УПК РФ применительно к основаниям задержания подозреваемого, а именно данные о том, что, *во-первых*, лицо подозревается в совершении преступления, за которое может быть назначено лишение свободы, а *во-вторых*, наличествует хотя бы одно из таких обстоятельств, как: 1) лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; 2) потерпевшие или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; 3) на лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления; 4) имеются *иные* данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления, если оно: а) пыталось скрыться; б) не имеет постоянного места жительства; в) не установлено, или если прокурором, а также следователем или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

На наш взгляд, здесь речь может идти, в частности, о следующих данных:

1) камера видеонаблюдения или иная электронная техника зафиксировала факт совершения преступления именно данным лицом;

2) данное лицо само указало на факт совершения им преступления;

3) на месте совершения преступления обнаружены явные его следы – например, оставленные именно данным лицом орудия преступления или иные принадлежавшие ему предметы;

4) данное лицо стремится покинуть место совершения преступления.

Приведенный перечень данных важно закрепить законодательно (в открытом их варианте), внося соответствующее дополнение в ч. 2 ст. 91 УПК РФ.

Что же касается общих оснований для избрания меры пресечения, указанных в ст. 97 УПК РФ, то их, как представляется, было бы желательно: а) предварить ссылкой на достаточность *первоначальных* (то есть подлежащих еще в проверке) доказательств вины обвиняемого, подозреваемого в совершении преступления; б) изложить в более

конкретизированном виде, а именно в таком (курсивом выделены предлагаемые автором дополнения к тексту закона; сам текст закона излагается с учетом его главного смысла): «Дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии достаточных *первоначальных* (то есть подлежащих еще в проверке) доказательств вины обвиняемого, подозреваемого в совершении преступления, а также если имеются достаточные доказательства того, что отказ от применения меры пресечения с высокой степенью вероятности может привести к тому, что обвиняемый, подозреваемый:

1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда, *то есть покинет место своего постоянного жительства или совершит побег из-под стражи – с последующим возможным переездом в неизвестное для правоохранительных органов место. Такое предположение может быть сделано, например, с учетом того, что лицо располагает достаточными для этого средствами, имеет родственников за границей, заграничный паспорт, может данным документом беспрепятственно воспользоваться;*

2) может продолжать заниматься преступной деятельностью, *то есть и дальше совершать преступления – как минимум, столь же опасные. Такое предположение может быть сделано, например, на том основании, что лицо и ранее совершало подобные преступления, имеет судимость, высказывало соответствующее намерение;*

3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. *Такое предположение может быть сделано с учетом проявленных при совершении преступления агрессии, насилия, дерзости, цинизма или иных подобных обстоятельств отягчающего характера;*

4) может попытаться уклониться от исполнения приговора, *то есть попытаться, например, растратить или спрятать имущество, на которое в перспективе может быть обращено взыскание – в случае назначения такой меры наказания, как крупный штраф. Такое предположение*

может быть сделано с учетом, например, того, что часть имущества, которым располагало данное лицо, уже переведено на имя родственников, партнеров по бизнесу, продано, подарено, растрчено...» (далее – по тексту закона).

Достаточность доказательств того, что отказ от применения меры пресечения с высокой степенью вероятности может привести к тому, что обвиняемый, подозреваемый не оправдает оказанного ему доверия, проверяется соответствием сложившейся ситуации условиям обоснованного (допустимого) риска, предусмотренными ст. 41 УК РФ. Предположение о правильности принимаемого решения может носить именно вероятностный характер, но степень вероятности должна быть в данном случае достаточно высокой. Принимающее решение должностное лицо должно быть *твердо убеждено* в том, что его решение (о применении меры пресечения или об отказе от нее) – единственно верное. Всякие сомнения в данном вопросе должны толковаться в пользу подозреваемого, обвиняемого.

В ст. 99 УПК РФ (обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения) используется термин «тяжесть» преступления, что не представляется удачным, поскольку такое словоупотребление исходит из того, что *все* преступления характеризуются *тяжестью*, и разница между ними заключается лишь в том, что у них – *различная степень тяжести*, а значит все они, так или иначе (в той или иной мере), *тяжкие*. Поэтому полагаем, что словосочетание «тяжесть преступления» (как в данной, так и в других уголовно-процессуальных нормах, где оно встречается) целесообразно заменить устоявшимся в уголовном законодательстве (в том числе применительно к соответствующим случаям) словосочетанием «характер и степень общественной опасности».

(продолжение следует)

Список литературы

1. Куликов В. Меньше сажать. Подготовлен законопроект, радикально смягчающий уголовные наказания: число заключенных может сократиться на треть // Российская газета. – 2010. – 28 октября.
2. Куликов В. Арест на всякий случай. Следователи и адвокаты разберутся, почему так часто подозреваемых отправляют в СИЗО // Российская газета. – 2010. – 21 сентября.
3. Козлова Н. Когда арестанту положена вольная. Следственный комитет пересчитал своих и чужих задержанных // Российская газета. – 2010. – 7 октября.

4. Богданов В. Трезвый и мертвый. Пыточные методы отрезвления применялись милиционерами // Российская газета. – 2010. – 1 сентября.
5. Богданов В. Пытки отрезвляют. В Арзамасе арестованы милиционеры, которые издевались над женщиной // Российская газета. – 2010. – 14 сентября.
6. Куликов В. Диагноз – неволя. В столичном СИЗО скончалась тяжелобольная арестантка // Российская газета. – 2010. – 19 октября.
7. Лукин В. Заявление Уполномоченного по правам в Российской Федерации // Российская газета. – 2010. – 31 мая.
8. Павловская Т. Хапки. Следователи рассматривают рэкет в качестве основного мотива массового убийства в станице Кушевской // Российская газета. – 2010. – 16 ноября.
9. Федосенко В. Двенадцать оправдали Квачкова. Присяжные вновь признали его непричастным к покушению на Чубайса // Российская газета. – 2010. – 23 августа.
10. Тирмастэ М.-Л. Борис Немцов призвал президента помиловать Михаила Ходорковского // Коммерсант. – 2010. – 26 октября.
11. Рузанова Н. Негласное правосудие // Российская газета. – 2010. – 25 августа.
12. Баршев В. Умираешь? Освободи машину. Автоинспектор пытался лишить прав водителя при смерти // Российская газета. – 2010. – 7 сентября.
13. Пинкус М., Ионова Л. Двучичный инспектор // Российская газета. – 2010. – 15 сентября.
14. По полям. Медикам приказано определять трезвость только на основании показаний алкометров (редакционный материал) // Российская газета. – 2010. – 21 октября.
15. Милиционеры наказали автоугонщика ремнем (редакционный материал) // Московский комсомолец. – 2010. – 26 октября.
16. Алексеевич Д. «Честь не продается!». Он посадил 15 «оборотней» и за это сам оказался на нарах // Аргументы и факты. – 2010. – № 42.
17. Юрьев М. Изолятор временного непризнания. Еще раз о проверенных методах «выбивания» нужных показаний под флагом усиления борьбы с преступностью // Независимая газета. – 2010. – 26 октября.
18. Минкин А. Сколько надо посадить? От судов люди ждут не статистики, а справедливости // Московский комсомолец. – 2010. – 26 октября.
19. Дыбин А. Милиционеры обворовали недограбленный банкомат // Комсомольская правда. – 2010. – 4 октября.
20. Куликов В. Защитная реакция. Более 400 адвокатов за год лишены своего статуса // Российская газета. – 2010. – 31 августа.
21. Ямшанов Б. Кодекс раскрыли в лоскуты. Молодые юристы предлагают принять новый УК // Российская газета. – 2010. – 16 сентября.
22. Юргенс И. От суммы и от тюрьмы. Предприниматель должен жить спокойно, а не ждать приезда «воронка» // Российская газета. – 2010. – 8 сентября.

В редакцию материал поступил 30.11.10.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, домашний арест, средства массовой информации, обвинительный уклон, его причины, меры его преодоления.
